

Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ, П.А. АМБАРОВА

ОТ НЕЛИНЕЙНОГО ЗНАНИЯ — К НЕЛИНЕЙНОМУ ДОВЕРИЮ¹

Аннотация. Статья посвящена раскрытию идеи доверия к знанию, заложенной в монографии «Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности: риски, уязвимости, вызовы безопасности». Жанр публикации позволил не только изложить ключевые положения социологической концепции и результаты эмпирического исследования авторов книги (научного коллектива МГИМО-Университет под руководством профессора С.А. Кравченко), но и проинтерпретировать их с учетом собственных теоретико-методологических подходов к феномену доверия и результатов его исследования.

В статье рассматриваются концепции, ставшие базовыми для книги, — концепция институционального доверия к системам знания и концепция влияния динамики институционального доверия на системы производства и распространения знания. Отмечается новизна и оригинальность авторских трактовок динамики научного знания — от линейного к нелинейному знанию. Вслед за этим излагаются собственные интерпретации проблемы нелинейного доверия — как отклик на идеи авторов монографии о динамике рефлексивного доверия (от линейного к нелинейному). Особое внимание уделено критериям оценки научного знания, заслуживающего доверия со стороны различных социальных акторов.

Размышления о книге «Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности: риски, уязвимости, вызовы безопасности» в тексте статьи-рецензии вписываются в широкий контекст теоретических и методологических проблем изучения феномена доверия. Показаны возможные линии развития социологических исследований доверия с учетом идей, изложенных в монографии.

Ключевые слова: рефлексивное доверие; нелинейное доверие; институциональное недоверие; нелинейное научное знание; риски; социологическая диагностика доверия

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор-исследователь Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Адрес: 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. **Телефон:** +7 (343) 375-48-22.

Электронная почта: garoldzborovsky@gmail.com

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. **Адрес:** 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.

Телефон: +7 (343) 375-48-22. **Электронная почта:** borges75@mail.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00158 «Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования».

Для цитирования: *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* От нелинейного знания — к нелинейному доверию // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 3. С. 176—187. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6683

Жанр представляемой вниманию читателей публикации мы обозначили как статья-рецензия. Она написана в виде размышлений по поводу актуальной для современной науки проблемы доверия к знанию, поставленной и исследованной в коллективной монографии под общей редакцией С.А. Кравченко [3]. Среди авторов, помимо С.А. Кравченко, — Н.Н. Зарубина, А.И. Подберезкин, Д.В. Голоухова, Д.Н. Карпова, Е.В. Небольсина, А.В. Носкова, А.Л. Темницкий.

В последние годы интерес к институциональному доверию в научных исследованиях значительно выше, чем к межличностному и общностному. Подтверждением справедливости такого суждения является рецензируемая коллективная монография. В ней доминирует институциональный анализ доверия, и читателям предложены концепции именно институционального доверия. Их две, и обе касаются доверия к знанию. Одна из них — концепция институционального доверия к системам знания. По замыслу и исполнению она опирается на достижения российской и мировой социологической мысли, включая интегральный теоретико-методологический инструментарий. Вторая — это концепция влияния динамики институционального доверия на системы производства и распространения знания. Она исходит из неизбежной флуктуации доверия / недоверия к знанию.

Задача исследования доверия к знанию, поставленная в монографии, сопровождалась рядом усложняющих ее факторов: рассматривалось доверие не просто к научному знанию (в основном социальное), но к знанию в условиях социальной турбулентности, а следовательно — рисков, уязвимостей, вызовов безопасности. Решение поставленной задачи — анализа доверия к науке — опиралось на три подхода к его пониманию: 1) доверие как базовый фактор функционирования общества; 2) доверие как многоуровневая социальная установка; 3) взаимообусловленность доверия и риска [3, с. 14].

В рецензируемой монографии дается очень широкий анализ поставленной проблемы, и здесь мы согласны с Ж.Т. Тощенко, автором предисловия к книге, который пишет, что в ней «доверие к научному знанию рассматривается в различных социальных контекстах» [3, с. 6]. Одним из таких контекстов стала развернутая историко-социологическая трактовка доверия к знанию, идущая от О. Конта и завершающаяся самыми новыми его интерпретациями последнего времени (главы 1 и 2). В этом плане важно отметить понимание авторами монографии того, что социология как наука (со времен ее основателя) началась с постановки вопроса о доверии к научному социологическому знанию [3, с. 17].

Успешности историко-социологического анализа способствуют два связанных между собой подхода. Первый содержит в себе выявление динамики научного знания — от линейного к нелинейному. Второй означает выделение этапов становления рефлексивного доверия — от линейного к нелинейному. (В скобках сразу отметим, что термин «нелинейное доверие» в монографии отсутствует, но мы предложим далее краткую характеристику этого понятия, поскольку считаем очень важным и перспективным его использование). В широком диапазоне историко-социологической трактовки проблемы знания и доверия к нему — от О. Конта до современных исследователей — показывается, как в социально-историческом плане осуществляется эта динамика.

Вызывает интерес сложный, своего рода перекрестный анализ двух центральных феноменов — научного знания и доверия. Рассматриваемая монография напоминает сложное музыкальное произведение, в котором прослеживаются две основные темы, а их разработка включает в себя и каждую из них порознь, и сложное многоголосье с участием обеих. Мы видим, как в книге осуществляется движение от нелинейной динамики научного знания, через ее основные вехи, к этапам становления и развития рефлексивного доверия. При этом в первой главе внимание обращается и на историчность доверия, и на процесс зарождения и развития релятивного доверия, и на доверие в контексте критической нелинейной рефлексии, и на зарождение и становление рефлексивного доверия. По существу, показывается путь, который проходят социологические трактовки доверия — от его линейного характера в XIX в. к нелинейности в XXI столетии.

Разумеется, за этими трактовками стояли реальные перемены в жизни общества. Но не меньшую роль в процессе появления нелинейного доверия сыграли и новации в знании, в том числе социологическом, глубокие перемены в нем, что явилось предметом очень подробного анализа в третьей главе книги. В ней тема доверия уходит на второй план, главное же внимание уделяется процессам трансформации знания, его метаморфозам, переоткрытиям, кризисам, поиску новых форм гуманизма и др. Нелинейное знание, рассмотренное сквозь призму его современных интерпретаций, в том числе авторских, предстает перед читателем во всей своей полноте. По логике предпринятого в монографии анализа, эти модификации знания, инновационный характер его нелинейного развития должны подвести к новому пониманию роли и характера научного знания и доверия / недоверия к нему. Именно такая взаимосвязь этих феноменов в монографии и вызвала у авторов желание показать ее в названии статьи.

Поскольку речь идет прежде всего о нелинейном знании, доверие к которому должно определять в значительной степени его развитие, остановимся на его краткой трактовке в монографии. Оно рассматривается как инновационное знание о функционировании единой социо-природной реальности. Поскольку эта реальность постоянно видоизменяется, возникает вопрос о необходимости ее переоткрытий. Так, развитие нелинейного знания произошло благодаря переоткрытию времени на основании его синергетической модели, предложенной И. Пригожиным. Нелинейность знания обогатилась за счет нелинейности времени [8]. Альтернативность времени расширилась за счет «кристаллизованного времени», «вневременного времени» и других его форм и видов.

Еще одно переоткрытие, о котором читатель узнает из «Введения», связано с виртуальной реальностью. Показывается, что инновационное научное знание развивается благодаря стиранию различий между реальным и воображаемым. Переоткрытие охватывает физический мир, природу, что способствует появлению нелинейного знания о социо-природной реальности.

Большую роль в формировании нелинейного знания играют переоткрытия представлений о катастрофах, рисках и других феноменах социо-природной реальности. Авторы монографии показали, что зарождается принципиально новое знание в виде «стрелы времени» знания (подробнее см.: [6, 10]), основанного на синтезе наук, в том числе интеграции социологии с естественными и гуманитарными науками.

Поэтому нет ничего удивительного в появлении по большому счету новой для науки зоны исследования доверия. В таком качестве перед нами

предстает знание, преимущественно научное (иногда ненаучное или даже антинаучное). Знание повседневное, обыденное с точки зрения доверия к нему не является предметом исследования в рассматриваемой монографии. Между тем необходимость изучения данного феномена существует, но для этого требуется специальное исследование.

В монографии формулируется ряд очень важных методологических предпосылок, с позиций которых рассматривается проблема доверия к научному знанию. Эти предпосылки касаются прежде всего трактовки современного общества, которое находится в состоянии перманентной турбулентности. В силу ее влияния на общество последнее приобретает нелинейный характер. Вторая предпосылка, связанная с трактовкой общества, состоит в том, что оно предстает перед нами в качестве единой социо-природной реальности. Третья методологическая предпосылка касается необходимости постоянного переоткрытия общества и отдельных сторон (сфер) его функционирования, поскольку этого требует его динамизм и нестабильность.

Указанные предпосылки превращают создание (производство) нового знания, его распространение и потребление в сложный и зачастую инновационный процесс, нуждающийся в доверии со стороны и его творцов, и потребителей, и тех, кто осуществляет коммуникацию между ними. Это тем более важно, что наряду с научным сплошь и рядом создается ненаучное знание, представленное лженаукой, религией, магией и иными формами общественного сознания.

Проблема ненаучного знания (не путать с научным незнанием, понятие которого имеет позитивную коннотацию и было рассмотрено У. Беком, о чем в монографии специально говорится [3, с. 42–44]) поднимается в рецензируемой работе в нескольких главах, но глубже всего рассматривается в главе пятой. Борьба с лженаукой и фальсификацией научных исследований — одна из основных задач научного знания и, как следствие, формирования доверия к нему. Понятно, что различные (к сожалению, многочисленные) формы ненаучного знания, к тому же «рядящиеся в одежды науки», являются одним из основных источников недоверия к ней. Причем чем больше этих форм и чем активнее проявляют себя их сторонники, тем сложнее реальному научному знанию завоевывать или отвоевывать доверие в обществе. Многочисленные проявления ненаучного знания способствуют институционализации недоверия. В свою очередь, оно может в определенных обстоятельствах стать фактором становления рефлексивного доверия [3, с. 80]. Эту зависимость П. Штомпка сформулировал в виде первого парадокса демократии: «чем больше институционального недоверия, тем больше будет спонтанного доверия» [11, с. 374].

Вызовом доверию науке является не только недоверие лженауке и некоторым превращенным формам научного знания, но и развитие постакадемической науки в условиях коммерческого этоса. Коммерциализация способна разрушить традиционные механизмы доверия и привести к институционализации науки коммерческого типа [3, с. 85]. Именно этот процесс сейчас активно осуществляется в России, подрывая интерес к приобретению научного знания молодыми людьми. Авторы монографии убедительно показывают негативные последствия разрушения науки, в том числе и такое, как падение взаимного доверия ученых внутри этого института. Проведенный исследователями кафедры социологии МГИМО-Университета экспертный опрос представителей социальных наук показал, что только третья часть ученых доверяет почти всем результатам своих коллег, а две трети — лишь

некоторым. В качестве возможных причин снижения доверия к науке была названа первой ее бюрократизация (43% опрошенных), снижение автономии научного сообщества оказалось на втором месте, на третьем — введение наукометрических показателей [3, с. 103]. Самое любопытное в этой связи состоит в том, что близкий к этому расклад был выявлен при исследовании нами доверия к высшему образованию [см.: 1; 5].

В монографии рассматриваются различные факторы, которые приводят к распространению ненаучных и лженаучных знаний, и то, как этот процесс связан с проблемой доверия. Данной проблеме посвящен специальный параграф 5.3. «Распространение лженауки и ненаучного знания в России как непреднамеренное последствие развития науки». Среди этих факторов и такой, как реально существующее доверие массовых аудиторий к науке и само ее современное развитие, что латентно может способствовать распространению как ненаучного знания, так и лженауки [3, с. 105].

Немалую роль в этом процессе играет доверие населения к высоким ученым степеням и званиям, к информации из различных СМИ, которые нередко в погоне за сенсационными сообщениями распространяют недостоверные, недоказанные, необоснованные сведения под видом выдающихся достижений науки. Не случайно в РАН создана специальная Комиссия по борьбе с лженаукой, которой приходится работать в весьма непростых условиях противоборства с целыми группами противников.

Не следует забывать также об определенных бизнес-эффектах лженауки, создающей целые рынки непроверенных лекарств, приборов (не говоря уже об экстрасенсах, целителях и т. д.). Получается, что у настоящей, подлинной науки и лженауки общее — это доверие больших групп людей. Но у людей настоящей науки его природа состоит в обоснованности, доказательности знаний, научных экспериментах, строгих теориях, а у шарлатанов от науки доверие строится на спекуляциях ее достижениями.

В качестве постулата может быть выдвинут тезис, согласно которому нелинейное общество порождает нелинейное знание, нелинейные отношения между субъектами этого знания и, как нам представляется, нелинейное доверие к тому и другому. Что представляет собой, с нашей точки зрения, нелинейное доверие? Нелинейность доверия означает его «хрупкость», неустойчивость, мозаичность, фрагментарность внутренней структуры, парадоксальность, рискогенность. Нелинейное доверие напоминает слюду — прозрачный слоистый материал, в котором слои слабо связаны между собой и предрасположены к быстрому распаду, отделению друг от друга. Нелинейность доверия характеризуется сложностью и разнонаправленностью его векторов. Все эти «нелинейности» доверия означают «инаковость», нестандартность, альтернативность, многовариантность, иные характеристики форм доверительных отношений.

Нелинейное доверие предполагает транспарентность, информационную открытость и уважение субъектов научного знания в отношениях друг с другом в части выполнения взятых обязательств. Оно (нелинейное доверие) означает отказ от имитационности, симуляции доверительных взаимодействий. Нелинейное доверие характеризуется широким спектром использования ресурсных свойств доверия, эффективностью их конвертации в достижения деятельности по производству научного знания.

Уровень развитости и характер нелинейного доверия к научному знанию зависит от ситуации в обществе с институциональным доверием. Низкий уровень последнего, недоверие в стране к деятельности социальных

институтов является серьезным барьером на пути утверждения нелинейного доверия в сфере создания и распространения знания.

Один из главных вопросов, возникающих при чтении работы, формулируется нами так: насколько можно доверять научному (в основном социальному) знанию об обществе, о том, что в нем происходит и может произойти? И теоретический анализ, представленный в монографии, и эмпирический материал (он сосредоточен в последних ее четырех главах) призваны убедить читателя в том, что степень достоверности полученного знания высока. Отсюда должен следовать вывод о соответствии этого знания требованиям высокого уровня доверия к нему.

Для обоснования такого соответствия в монографии осуществляется трактовка социологической диагностики как используемого инструментария для формирования рефлексивного доверия к научному знанию. С этой целью во второй главе рассматриваются четыре типа диагностики: 1) социологическая диагностика М.К. Горшкова; 2) космополитическая диагностика У. Бека; 3) интегральный диагностический инструментарий поворотов социологии Дж. Урри; 4) интегральная междисциплинарная диагностика гуманистической направленности, разрабатываемая С.А. Кравченко.

Каждый тип диагностики рассматривается не только содержательно, но и завершается выводом о том, что может дать его использование. Применительно к первому типу диагностики показывается необходимость национального (российского) варианта демократической системы, эффективность которой определяется социальным доверием граждан к основным институтам (чего сегодня практически не существует, как показывают многочисленные социологические исследования). При этом важны не имитационные, а работающие институты, обеспечивающие качество жизни и социальную защищенность граждан [3, с. 39]. Предлагаемая диагностика «учитывает динамику социальных реалий, рефлексию знания об этих изменениях, что делает ее инструментарий весьма валидным» [3, с. 41].

Космополитическая диагностика У. Бека связана с появлением новых реалий в мире, усиливших компонент неопределенности в нем и стимулировавших возникновение новых вызовов к доверию в научном знании. Это особенно важно понять в русле трактовки немецким социологом современного мирового общества риска как общества незнания. В свою очередь, научное незнание «побуждает развитие рефлексивного доверия к динамично меняющемуся и усложняющемуся научному знанию» [3, с. 43]. По мнению С.А. Кравченко, «предложенная ученым космополитическая диагностика весьма продуктивна и в научном, и в социальном плане. Она заложила основы формирования доверия к научному незнанию и к другим более сложным формам знания» [3, с. 44].

Третий тип диагностики, рассматриваемый в рецензируемой монографии в связи с известной трактовкой трех социологических поворотов Дж. Урри (сложности, мобильности и ресурсности), также важен как теоретико-методологический инструментарий для формирования рефлексивного доверия к научному знанию. Как и космополитическая диагностика У. Бека, интегральный диагностический инструментарий Дж. Урри предназначен «для более углубленной и валидной интерпретации сложных реалий. Оба типа диагностики ратуют за интеграцию естественных и социальных наук, оставляя, однако, в стороне и тем самым умаляя достижения гуманитарных наук» [3, с. 51].

Отсюда — переход к необходимости четвертого типа диагностики гуманистической направленности, имеющей интегральный междисци-

плинарный характер. Ее автор — С.А. Кравченко — ратует за синтез естественно-научного, социального и гуманитарного знания, который способен обеспечить высокий уровень доверия к нему. Исследователь предлагает читателю свою трактовку парадокса доверия к научному знанию: «чем выше развитие знания в науке и технике, тем больше недоверие к ним вызывается в силу появляющихся побочных, ненамеренных последствий» [3, с. 56]. Нельзя не согласиться с С.А. Кравченко, что основой определенного типа диагностики (именно его он предлагает) может и должна стать гуманизация знания. В этом он справедливо видит решающий фактор повышения доверия не только к социальным, но и естественным наукам [3, с. 275].

В связи с предложенной в монографии интегральной междисциплинарной диагностикой как инструментария для формирования рефлексивного доверия к научному знанию возникает вопрос, что включает в себя междисциплинарность, какие научные дисциплины ее образуют. Поскольку в монографии указание на междисциплинарность подходов, методологии, диагностики и т. д. проходит лейтмотивом через всю работу, создается впечатление, что для авторов указание на нее выступает как своеобразная мантра. Более того, такой подход к междисциплинарности — без ее конкретизации и указания на науки, интегрирующиеся с целью обоснования этого методологического принципа, — стал достаточно распространенным в социологии.

Завершая трактовку проблемы диагностики в связи с доверием научному знанию, приведем наше восприятие ее. Читатель, вникнув в предложенную типологию, ставится как бы в положение выбора: какой тип больше нравится, тем и пользуйся. Можно предложить и иную трактовку: целесообразно пользоваться всеми (или несколькими) типами в их определенном наборе, в каких-то комбинациях — в зависимости от того, какие цели преследует читатель (исследователь). О таких выборах в книге прямо не говорится. Это уже наши соображения по поводу прочитанного текста, которые, нам думается, не лишены основания.

Один из интересных вопросов, поднятых в рецензируемой монографии, касается использования наряду с доверием такой характеристики поведения людей и их отношения к социальным институтам (в том числе к науке), как уважение. Это близкая к доверию морально-нравственная и профессионально-этическая категория, которая базируется на оценке прежде всего прошлых достижений, проецируемых на сегодняшние отношения. Доверие в этом смысле отличается от уважения своей устремленностью в будущее. Поэтому нельзя не согласиться с выводом Н.Н. Зарубиной — одного из авторов монографии: «Взятые в комплексе, доверие и уважение позволяют проследить темпоральные аспекты социальных отношений: влияние оценок прошлых достижений на реальные сегодняшние и ожидаемые в будущем характеристики действий институциональных и индивидуальных социальных агентов, когда заслуженное в прошлом уважение становится основой для доверия в будущем. Однако так происходит лишь в условиях стабильности социальной системы...» [3, с. 111].

Еще одна проблема, которая нашла достаточно подробное рассмотрение в рецензируемой монографии, — доверие к научному знанию в условиях угроз и вызовов национальной безопасности России (главы 10–12). В них большое внимание уделено: разработке теоретико-методологического инструментария прогнозирования безопасности (в том числе долгосрочного); характеристике знания о современных военно-политических условиях раз-

вития России, системно-сетевых факторах безопасности в условиях новых рисков и уязвимостей российской нации, государства и общества; анализу социальных сетей как качественно новому фактору системной безопасности России; выявлению и трактовке основных стратегических направлений обеспечения безопасности России в XXI в. Особое место занимает характеристика усложняющегося знания о политических интересах в связи с проблемой национальной безопасности нашей страны. Анализу этого знания посвящена глава 12. В ней рассматриваются политические интересы в эпоху индустриального модерна, динамика политических интересов в современном социуме сквозь призму востребованности рефлексивного знания, наконец, вызовы усложняющихся динамичных политических интересов.

С нашей точки зрения, в этих трех главах проблематика доверия отражена явно недостаточно. Даже термин «доверие» практически не используется в этих текстах. И это не случайно, по нашему мнению. Позиции, излагаемые авторами монографии по ряду сформулированных выше проблем военно-политической доктрины России, динамики политических интересов в современном социуме, основных стратегических направлений и прогнозов относительно безопасности страны в XXI в., являются отнюдь не бесспорными. Это же касается и оценок качества решений, принимаемых правящей элитой страны. Их критический анализ существенно усиливается в последнее время и показывает заметное смещение общественного мнения в направлении от доверия к недоверию, о чем свидетельствуют результаты проводимых в стране социологических исследований (например, Левада-Центром [7]). Однако ни этих, ни иных данных (а возможно, и авторских, если по этому комплексу проблем они проводили соответствующие исследования) в монографии не приводится. В свете поставленных задач по изучению доверия к полученному знанию было бы также интересно и полезно выявить его оценки исследователями, учеными, работающими в этой сфере научной деятельности.

Заслуга авторов монографии состоит в том, что они сумели показать связь и взаимозависимость между доверием и научным знанием. Понятно, что эти социальные феномены имеют разную природу, разные функциональные характеристики, разные механизмы и средства их реализации и использования. Перечень различий может быть существенно расширен. Но в данном случае нас интересуют не столько различия и факторы, на них влияющие, сколько стороны дела, показывающие их взаимосвязи и взаимодействия. Наиболее значимой среди сближающих доверие и научное знание характеристик нам представляется их ресурсность. Прямо и непосредственно проблема ресурсности рассматривается в главе 7, хотя и в других главах можно обнаружить различные аспекты ее рассмотрения. Особое внимание обращается на человеческие ресурсы в сфере науки и технологий.

Следует отметить, что анализ ресурсов осуществляется в плане сравнения того, что есть у нас, с тем, что делается в других странах. В этом отношении значительный интерес представляют две больших таблицы [3, с. 129, 131]. В одной из них приводятся показатели динамики числа исследователей в странах Европы, Азии и России в 2005–2015 гг., во второй — показатели общих расходов на исследования и разработки в развитых странах мира в 2000–2015 гг. Анализ табличных данных не вызывает патриотического энтузиазма и роста доверия к власти, ее стратегии, направленной на развитие науки в России. Один из выводов, вытекающих из анализа ресурсности развития науки и доверия к ней, выглядит

следующим образом: «Пока не удалось переломить ряд негативных тенденций, порождающих серьезную коррозию системы российской науки» [3, с. 133].

Рассматривая ресурсность научного знания, авторы монографии, к сожалению, не уделяют должного внимания ресурсам доверия. Между тем само доверие характеризуется наличием собственных ресурсных возможностей, которые могут быть инвестируемы в дальнейшее развитие научного знания. К числу таких ресурсов доверия мы бы отнесли степень его устойчивости, способность к конвертации и интеграции в иные ресурсы, инвестиционные возможности, синергетические качества, культуру доверия.

В последние годы появилось, а сейчас и заметно растет внимание, связанное с изучением доверия не только к знанию, но и к высшему образованию [2; 4; 9]. В контексте рассматриваемого в монографии доверия к социальному знанию проблема связи знания и высшего образования как содержания и формы приобретает особый интерес, учитывая, что это знание является содержанием целого ряда социальных, общественных и гуманитарных дисциплин. Доверие к ним, а следовательно, и к соответствующим направлениям, программам и специальностям высшего образования, тесно сопряжено с доверием к самому социальному знанию и социальной науке. Это очень четко показано в монографии. Глава 15 «Современные уязвимости формирования доверия студентов к социальной науке», включающая в себя результаты интересных и весьма значимых эмпирических исследований и выводов из них, напрямую посвящена указанной проблеме.

Хотелось бы специально подчеркнуть, что в монографии не наблюдается стремления уйти от острых вопросов, связанных с доверием к социальной науке у студенчества. Так, в процессе анализа диагностики проявлений современных форм доверия к социальной науке выявляется целый ряд уязвимых мест, учет которых позволит совершенствовать политику повышения доверия к ней [3, с. 253]. Чего стоит только один вывод: у модальной группы студентов сформировался образ российской социальной науки как несоответствующей мировому уровню.

Есть еще один аспект проблемы связи между научным знанием и высшим образованием. Как убедительно доказывается в монографии, особенно во «Введении» и первых трех главах, сегодня рассматривать научное знание вне его нелинейности не имеет никакого резона — ни теоретического, ни практического. Отталкиваясь от этого тезиса, мы должны понять и принять влияние нелинейного знания на все то, что с ним связано и от него зависит (не забывая, что и оно зависит от ряда факторов, в частности от доверия к нему в обществе).

Коль скоро мы рассматриваем научное знание как «ядро» содержания высшего образования, напрашивается вывод, что нелинейность первого обуславливает нелинейность второго. Однако этот вопрос требует специального рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи. Но к его постановке подталкивает и очень важное положение монографии: «Сегодня ситуация с функционированием поля науки меняется. Нелинейное развитие знания, по существу, подрывает борьбу за монополию научной истины» [3, с. 8]. Нам представляется возможным экстраполировать этот тезис и на высшее образование — в том смысле, что нелинейное развитие знания подрывает борьбу и за монополию высшего образования, которая сегодня сосредоточена в руках государства, а по существу — чиновников, действующих от его имени.

С точки зрения социолога одна из интересных и новых постановок, содержащихся в коллективной монографии, — проблема заказчика научных исследова-

дований и его доверия к ним (глава 16). Изучая феномена доверия заказчиков научных исследований к социальным наукам, авторы книги рассматривают несколько вопросов. Во-первых, читателям предлагается своеобразная типология заказчиков научных исследований, в которой выделяются реальные и потенциальные заказчики. Во-вторых, рисуется своеобразный социологический портрет заказчиков научных исследований сквозь призму их доверия / недоверия к социальной науке. В-третьих, характеризуется их интерес к научной информации в профессиональной деятельности. В-четвертых, приводятся оценки и факторы повышения доверия заказчиков к социальным наукам. В-пятых, рассматриваются перспективы сотрудничества заказчиков с исполнителями.

В главе 16 приводится интересный эмпирический материал, касающийся реального и потенциального поведения заказчиков научных исследований. Квотно-целевая выборка включала в себя более сотни реальных и потенциальных заказчиков бюджетных и коммерческих организаций Москвы и иных регионов (вопрос о репрезентативности выборки мы специально не обсуждаем, поскольку исследование носило поисковый характер). Наряду с общей информацией об этой целевой группе в монографии приводятся данные об иерархии факторов повышения доверия / недоверия к социальной науке, а также к результатам научного исследования по оценкам реальных и потенциальных заказчиков. Показывается иерархия факторов готовности заказчиков оплачивать результаты исследований.

Обращает на себя внимание вывод, сделанный в конце главы: «В целом же, привлекательная для повышения доверия к социальной науке фигура заказчика видится в тех из них, кто не только заинтересован в использовании данных научных исследований в профессиональной деятельности, но и делает заказы исследований на постоянной основе, доля которых не превышает 1/5 части от числа опрошенных» [3, с. 268]. Можно заключить, что мы имеем дело с одной из редких попыток осмыслить проблему заказчика социологических исследований, крайне значимую для ученых в условиях коммерциализации и фискализации науки.

На наш взгляд, монография «Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности: риски, уязвимости, вызовы безопасности» является серьезным интеллектуальным вкладом в развитие социологии доверия, а в практическом плане — в доверие к социогуманитарному знанию. Она показывает, что ее авторы — представители той части научного сообщества, которая покинула «башню из слоновой кости» и может отразить социальный статус научного знания и его создателей в системе сложных общественных отношений. Книга вызывает доверие благодаря своему позитивному замыслу. Нельзя не согласиться с выводом, что в любом обществе, в любых исторических и социокультурных условиях, при любом уровне развития научных институтов заслуживает доверия то знание, которое содержит «универсальные истины». К ним справедливо отнесены антропоцентричность (человек — мера всех вещей), справедливость и добро (знание должно служить их установлению), счастье и ответственность (знание должно быть моральным). И еще одна «истина», о которой мы забываем в современном мире рациональности и пользы, — это приоритет гуманизма над прагматикой. Таков диагноз и прогноз авторов этой книги.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амбарова П.А.* Сверхбюрократизация как аномалия развития высшего образования в России // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2018. № 1 (24). С. 173–183.

2. Горина Т.С. Теоретические установки изучения доверия в образовательной среде // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11 (ч. 8). С. 1845–1851.
3. Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности: риски, уязвимости, вызовы безопасности: Монография / С.А. Кравченко, Н.Н. Зарубина, А.И. Подберезкин [и др.]; Под общ. ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018. — 274 с.
4. Зборовский Г.Е. Понятие и структура доверия в высшем образовании // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2018. № 2. С. 78–84.
5. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Как превратить доверие в нематериальный актив развития высшей школы // *Высшее образование в России*. 2018. № 6. С. 96–107.
6. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Стрела социологического знания через призму «стрелы времени», или путь к их сближению (о книге Кравченко С.А. «Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. М., 2015) // *Социологические исследования*. 2016. № 9. С. 151–156.
7. Институциональное доверие. Результаты опроса Левада-Центра от 04.10.2018 г. [электронный ресурс]. Дата обращения 15.12.2018. URL: <http://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/>
8. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007. — 272 с.
9. Колпина Л.В., Реутов Н.Н., Третьякова Л.А. Социальное доверие в системе высшего образования Белгородской области: эмпирический анализ // *Региональная экономика: теория и практика*. 2016. № 6. С. 25–32.
10. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. М.: МГИМО-Университет, 2015. — 342 с.
11. Штомпка П. Доверие — основа общества / Пер. с пол. В. Морозовой. М.: Логос, 2016. — 440 с.

Дата поступления: 16.12.2018.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2019.
VOL. 25. NO. 3. P. 176–187. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6683

G.E. ZBOROVSKY, P.A. AMBAROVA

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russian Federation.

Garold E. Zborovsky — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Address: Mira str., bl. 19, 620002, Ekaterinburg, Russian Federation.

Phone: +7 (343) 375-48-22. **Email:** garoldzborovsky@gmail.com

Polina A. Ambarova — Doctor of Sociology, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. **Address:** Mira str., bl. 19, 620002, Ekaterinburg, Russian Federation. **Phone:** +7 (343) 375-48-22. **Email:** borges75@mail.ru

FROM NON-LINEAR KNOWLEDGE TO NON-LINEAR TRUST

Abstract. This article is devoted to disclosing the idea of trusting knowledge, which is laid out in the monograph “Trusting knowledge in conditions of social turbulence: risks, vulnerabilities, security challenges”. The genre of the article/review allowed for presenting the key positions of the sociological conception and the results of empirical research conducted by the book’s authors (the research team of MGIMO University under the guidance of Professor S.A. Kravchenko), as well as for interpreting them while taking into account our own theoretical and methodological approaches to the phenomenon of trust and the results of its research.

The article deals with concepts that have become the basis for the book — the concept of institutional trust in knowledge systems, and the concept of how the dynamics of institutional trust impact the system of producing and spreading knowledge. Highlighted is the novelty and originality of the author's interpretations of scientific knowledge dynamics — from linear to non-linear knowledge. Following this, we present our own interpretations of the problem of non-linear trust — as a response to the ideas of the monograph's authors on the dynamics of reflexive trust (from linear to non-linear). Special attention is paid to the criteria for evaluating scientific knowledge which bears credibility in the eyes of various social actors.

The reflections on the book “Trusting knowledge in conditions of social turbulence: risks, vulnerabilities, security challenges” which this article/review contains fit into the broad context of the theoretical and methodological problems with studying the phenomenon of trust. Shown are possible paths for developing sociological research of trust, while taking into account the ideas presented in the monograph.

Keywords: reflexive trust; non-linear trust; institutional distrust; non-linear scientific knowledge; risks; sociological diagnostics of trust.

For citation: Zborovskiy G.E., Ambarov P.A. From Non-Linear Knowledge to Non-Linear Trust. *Sotsiologicheskij Zhurnal* = *Sociological Journal*. 2019. Vol. 25. No. 3. P. 176–187. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.3.6683

The article is prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research, project № 18-011-00158 “Trust as a fundamental problem of Russian higher education”.

REFERENCES

1. Ambarova P.A. Over-Bureaucratization as Abnormity of Higher Education Development in Russia. *Izvestia Ural Federal University Journal*. Series I. Issues in Education, Science and Culture. 2018. No. 1 (24). P. 173–183. (In Russ.)
2. Gorina T.S. Theoretical bases of the study of trust in the educational environment. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2014. No. 11. P. 1845–1851. (In Russ.)
3. *Doverie k znaniyu v usloviyah social'noj turbulentnosti: riski, ujazvimosi, vyzovy bezopasnosti: Monografija*. [The trust of the knowledge in the conditions of social turbulence: risks, vulnerability, security challenges.] Ed. by S.A. Kravchenko, N.N. Zarubina, A.I. Podberezkin, et al. Moscow: MGIMO-Universitet publ., 2018. 274 p. (In Russ.)
4. Zborovskij G.E. The concept and structure of trust in higher education. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2018. No. 2. P. 78–84. (In Russ.)
5. Zborovskij G.E., Ambarova P.A. How to Turn Trust into Non-material Asset of Higher Education. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2018. No. 6. P. 96–107. (In Russ.)
6. Zborovskij G.E., Ambarova P.A. Arrow of sociological knowledge through the prism of ‘arrow of time’, or a road to their rapprochement (S.A. Kravchenko's book “Sociological knowledge through the prism of ‘arrow of time’: demand for a humanistic turn”). *Sociologicheskie issledovaniya*. 2016. No. 9. P. 151–156. (In Russ.)
7. *Institutional trust. The results of a survey by the Levada center from 04.10.2018*. Accessed 15.12.2018. URL: <http://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4/> (In Russ.)
8. Knjazeva E.N., Kurdjumov S.P. *Sinergetika: Nelinejnost' vremeni i landshafty kojevoljucii*. [Synergetics: Nonlinearity of time and landscapes of co-evolution.] Moscow: KomKniga publ., 2007. 272 p. (In Russ.)
9. Kolpina L.V., Reutov N.N., Tret'jakova L.A. The social trust in the system of higher education in Belgorod region: an empirical analysis. *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*. 2016. No. 6. P. 25–32. (In Russ.)
10. Kravchenko S.A. *Sociologicheskoe znanie cherez prizmu “strely vremeni”: vostrebovanost' gumanisticheskogo povorota*. [Sociological knowledge through the prism of ‘arrow of time’: demand for a humanistic turn.] Moscow: MGIMO-Universitet publ., 2015. 342 p. (In Russ.)
11. Shtompka P. *Zaufanie — fundament spoleczenstwa*. [Trust is the foundation of society.] [Russ. ed.: *Doverie — osnova obshhestva*. Transl. from Eng. by V. Morozova. Moscow: Logos publ., 2016. 440 p.] (In Russ.)

Received: 16.12.2018.